

По пути в вечность

Анюта Никонорова

Анюта Никонорова

По пути в вечность

«Издательские решения»

Никонорова А.

По пути в вечность / А. Никонорова — «Издательские решения»,

Они случайно встретились на корабле — юная пианистка Таня и молодой моряк Александр. Белая ночь не оставила им выбора и обрекла на вечную любовь, но кажется, что сами небеса восстали против них. Таня делает головокружительную карьеру, связывая свою жизнь с известным композитором Вознесенским, а Александр уходит в монастырь, выполняя данный Богу обет. Она мечтает о рае земном, он предлагает ей рай небесный... Приведёт ли любовь их в Вечность? Будет ли им по пути?

© Никонорова А.

© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1. На пароме	6
Глава 2. Случайное знакомство	9
Глава 3. Вознесенский	12
Глава 4. Возвращение в Питер	14
Глава 5. Найденная грамота	16
Глава 6. Александр	19
Глава 7. В самолёте	22
Глава 8. Первая любовь	24
Глава 9. Новогодний звонок	29
Глава 10. Кукла	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

По пути в вечность

Роман

Анюта Никонорова

Сказать человеку: «Я люблю тебя» – то же самое, что сказать ему: «Ты будешь жить вечно, ты никогда не умрёшь...»

Габриель Марсель

Моему единственному, дорогому мужу, научившему меня верить в вечную любовь, посвящается.

© Анюта Никонорова, 2016

© Анна Викторовна Никонорова, дизайн обложки, 2016

© Анна Викторовна Никонорова, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава 1. На пароме

Путешествие на пароме по Финскому Заливу обещало много впечатлений. Таня поняла это сразу же, как только ступила на борт белоснежного лайнера. Сердце, как бы в предчувствии некого чуда, то замирало в груди хрупкой девушки, то вдруг начинало сбиваться с ритма. В другое время это бы раздосадовало Таню – ведь она была музыкантом и счастливой обладательницей абсолютного слуха и ритма, но сейчас над её головой не унимался веселый щебет лучшей подруги Леры, которая весьма громко восторгалась происходящим. Лера в своей обычной манере, то буквально взвизгивала от восхищения, беря неимоверно высокие ноты, то нараспев начинала облекать свои чувства в слова, не оставляя шанса никому из окружающих вставить хоть слово. Она настолько гармонично сроднилась со скрипкой, на которой играла с пяти лет, что сама не заметила, как стала говорить в том же тембре, что и её инструмент. Но юная скрипачка никогда никому не надоедала, напротив – она была душой компании не только оркестра, но и всего курса, если не всей консерватории. И немногословной Тане всегда было комфортно рядом с подругой, потому что в их общении никогда не было пустых бессмысленных пауз, которые приходилось бы чем-то заполнять. Под бесконечный говор Леры, можно было спокойно погрузиться в свои мысли, на какой-то момент просто выпасть из беседы, но, возвращаясь, не потерять нити общения. Вот и сейчас, глядя на удаляющийся город, Таня думала о том, насколько влюбилась в это место всего за год. Санкт-Петербург сразу же покорила её, едва она шагнула со ступенек вокзала на Невский проспект – сердце северной Столицы. Но только сейчас, когда она разглядывала его издали, с моря, она почувствовала как что-то мягкое и нежное шевельнулось в самых недрах её души. Стало жалко расставаться с полюбившимся городом, и девушка начала сама себя успокаивать, что это всего лишь на три дня...

– Боже! Танюха, гляди какая прелесть! – В очередной раз взвизгнула её подруга, смягчая букву «г» на украинский манер. Она указывала рукой на бурлящую воду, вырывающуюся из под кормы лайнера, – там жидкий мармелад, ты только глянь на это!

Действительно, волны нежно-изумрудного цвета очень сильно напоминали детский мармелад «Яблочный».

– Да не кричи ты так, Лер. Сейчас нас с тобой капитан сбросит за борт или высадит на каком-нибудь необитаемом острове, точно тебе говорю.

Таня уже пару часов безуспешно пыталась призвать подругу понизить громкость своего музыкального голоса. Но Лера была в полном восторге от всего, что наблюдала вокруг себя, и явно не собиралась скрывать этого от окружающих. Как настоящая украинка по рождению, она имела колоритный голос, красками которого умело пользовалась в полной мере. Присутствующие на палубе пассажиры с нескрываемым любопытством поглядывали на подруг и почему-то улыбались.

Девушки и в самом деле обращали на себя внимание. Разница между ними сразу бросалась в глаза. Одна – маленькая, тоненькая, как тростинка, и изящная в манерах, а другая – пышная и сдобная, как булка, да бойкая на язык. И если у первой постоянно на щеках стыливо вспыхивал румянец, и она прятала свои красивые темно-карие глаза под опущенными длинными ресницами, то у второй, напротив, на лице не было и тени смущения, а возбуждённый взор искрился.

В Тане чувствовались строгость и большая сдержанность, выдающие в ней человека, с детства напичканного правилами приличия. Ничто не выдавало её беспокойного мира, гнездившегося глубоко внутри, с которым она одна позволяла себе спорить, не соглашаться и даже

ругаться. То были её мысли, жившие своей отдельной жизнью. Они с завидной регулярностью устраивали в голове девушки разборки, делая вид, что существуют сами по себе, и тогда Тане приходилось принимать меры. Она вступала с ними в переговоры и порой просто силой заставляла их притихнуть. Такие моменты на лице юной пианистки проявлялись лишь в том, как она по-детски хмурила брови. В остальном же, Таня всегда и всё держала под контролем.

А Лера не заморачивалась на предмет того, как она смотрится со стороны. Она была естественна до самобытности. Об этой роскошной телом девушке так и хотелось сказать: кровь с молоком. Открытый взгляд, раскованность в движениях, – всё это сочеталось с гортанным, как у горлицы, голосом.

– Та нет же, не посмеет капитан от нас избавиться, – воскликнула она, – я буду так громко кричать, что кто-нибудь над нами да сжалится. Хотя бы вон тот морячок, видишь, стоит на мостике с биноклем? Ой, я тоже хочу в бинокль посмотреть, пойдем попросим у него, а, Тань?

Таня оглянулась и посмотрела в направлении капитанского мостика. В самом деле, у бортика стоял молодой человек в белом морском кителе и смотрел в бинокль. Только взор его был обращен не вперед, как положено впередсмотрящему, а назад. Внезапно девушка осознала, что предметом его внимания являются они с Лерой. Краска залила её лицо. Она схватила подругу за локоть и, резко отворачивая её от глаз наблюдателя, выпалила вполголоса:

– Лерка, отвернись, глупая, он на нас смотрит! Ну, что, докричалась? Сейчас нам точно влетит, наверное.

Однако Леру это только развеселило. Она рассмеялась так громко, что Тане показалось, будто слышен этот смех сейчас даже в Питере.

– Мы должны попросить у него эту штуку! Понимаешь? Я ни разу не смотрела в бинокль! Ну, идем же, пожалуйста!

Лера никак не хотела униматься, ей непременно и в срочном порядке понадобилась эта вещь. А главное, у неё совершенно не было сомнений в том, что она её получит. Таню всегда восхищала такая её уверенность в себе, но сейчас ей казалось, что подруга превратилась в маленького капризного ребенка, которому злые родители в магазине не хотят купить игрушку.

– Ну, с чего ты решила, что тебе его дадут? Успокойся, опозоримся только сейчас окончательно. И не пялься ты так на этого моряка уже, неудобно.

– Тю, а шо такое? Заодно может и познакомимся! Та идем уже.

И Лера потянула подругу поближе к тому месту, где всё ещё стоял молодой человек в морской форме. В это время он разговаривал с другим матросом, время от времени поглядывая в столь вожаденный для Леры предмет.

– Молодой человек! – окликнула его Лера снизу томным голосом. Таня прыснула и, закрыв рот ладонью, что бы не рассмеяться, быстро отвернулась, а Лера продолжала, уже громче:

– Молодой человек! Ага, вы! Можно воспользоваться вашим биноклем? Ну, очень хочется посмотреть, пожалуйста! Я верну – честно-пречестно!

Молодой моряк просто обалдел от неожиданности, но широко улыбнувшись, ответил:

– Да, конечно. Всегда пожалуйста.

Он ловко сбежал по лестнице вниз, вручил Лере бинокль и спросил:

– Умеете хоть пользоваться? Вот тут, смотрите, такое колесико, что бы настраивать...

– Та ладно, справимся, – перебила его Лера и, уже бросившись на радостях назад, на корму, вдруг обернулась и спросила:

– А как вас зовут? Кому возвращать-то его потом?

– Александр, – последовал ответ.

– А меня Лера. А это Таня – моя подруга.

И умчалась. Таня, растерянно пожала плечами, и последовала за подругой, приговаривая:

– Ну, ты даешь, Лерка! Вот это наглость, конечно. Как ты это делаешь?

– Ой, да надо быть проще, дорогая, и народ к тебе потянется.

Лера часто повторяла эту фразу, которую никто уже не воспринимал всерьез. Только в её случае она всегда срабатывала в лучшем виде.

Вскоре к девушкам подошел Семён – ударник оркестра, и позвал их на общий сбор, в каюту дирижера. Бросив взгляд на опустевший капитанский мостик, Лера прихватила бинокль с собой, с мыслью вернуть его владельцу чуть позже.

Глава 2. Случайное знакомство

В каюте руководителя оркестра Консерватории было просто не протолкнуться – оркестранты стояли и сидели практически на головах друг у друга. Сам шеф – профессор Вознесенский Андрей Петрович, расположился на стуле у окна и проводил так называемый «разбор полетов» перед завтрашним выступлением в Финляндии.

– Дашенька, ну ты все поняла, лапушка? Держи темп, не выбивайся и ударника слушай, слушай... кстати, где он сам? Семён здесь?

– Да, Андрей Петрович, я здесь, – отозвался Семён.

– Ты не забывай про восьмой такт – дай вступить скрипкам, а потом по тарелочке легонько, не со всей дури, слышишь? Смотри у меня, если опять запорешь!

Семён послушно кивнул головой. А шеф продолжал:

– Скрипки? Все поняли, где вступать? Дайте Танюшке соло до конца исполнить. Сколько раз повторять: здесь главная мелодия у фортепиано! Попробуйте только снова на хвост ей наступить! Танюш, ты поняла? Побольше легато, побольше – всю душу из слушателя надо вытянуть, это ясно?

Так, отдав последние распоряжения своим подчиненным, Андрей Петрович отпустил всех, попросив задержаться лишь солистку – пианистку Таню. Ребята хлынули в рассыпную – теперь они знали, что свободны на весь вечер, поэтому поспешили хорошо провести оставшееся время на корабле. Лера пошла искать Александра, что бы вернуть ему бинокль, который он так любезно ей предоставил. На мостике его не оказалось, поэтому она присоединилась к остальным ребятам в баре-ресторане, где в это время выступал местный джазовый ансамбль. Скоро девушка совсем забыла о чужой вещице, висевшей у неё на шее.

Когда Таня, получив последние указания от шефа, вышла на палубу, то увидела необыкновенной красоты розовый закат, разливающийся по воде от самого носа корабля до горизонта. Смешиваясь с матовой пеленой белой ночи, он создавал ощущение невесомости, и казалось, будто белый пароход медленно плывет не в холодных водах северного моря, а едва скользит по поверхности молочно-клубничного коктейля.

Людей снаружи почти не было, только пожилая пара – оба укутанные в клетчатые пледы, сидели на корме в плетеных креслах. Мужчина держал в руках ладонь своей спутницы, и, согревая, нежно растирал ее пальцы. Пара беззаботно о чем-то беседовала на фоне этой волшебной ночи, а Таня подумала: какая это редкость в наши дни, вот так, через всю жизнь, пронести свои чувства, не расплескав их по пути в вечность. Только такой представляла себе Таня истинную любовь – вечной и бескрайней, на пути которой не смогла бы устоять ни одна преграда. И глядя на эту пару, Таня очень обрадовалась, что такая любовь все же существует, а значит она её себе не выдумала, как всегда говорила мама. Девушка неспешно побрела по пустой палубе. Изнутри лилась музыка. Грустно плакал саксофон, тихо вторила скрипка, и эта мелодия, отражаясь от поверхности воды, растворялась в молочной дымке.

Внезапно прямо перед Таней распахнулась одна из боковых дверей и из неё вылетел человек. Он вихрем налетел на девушку, едва не сбив её с ног. Танюша вскрикнула от неожиданности. Она подняла голову и поняла, что лучше бы ей сейчас было провалиться сквозь землю, чем снова встретиться лицом к лицу с человеком, с которым она надеялась больше никогда не пересечься на этом корабле. Её щеки снова покраснели и девушка ничего не могла с этим поделать. Она поймала себя на том, что пытается что-то пролепетать, в то время, как матрос Александр бодрым голосом произнес:

– Простите, чуть не сбил. Не ушиблась?

Она не сразу поняла, что он обратился к ней на «ты», но, стараясь не смотреть ему в лицо, заикаясь и запинаясь, ответила что-то типа:

– Всё в порядке... да... Нормально.

– А где подружка, Лера, кажется? Она мне кое-что тут задолжала.

Таню накрыло ледяной волной. «Вот оно, конечно. Лерка не вернула бинокль?! Так я и знала! Какой стыд...» – а вслух она только смогла выдавить:

– Я сейчас её найду... мы тут просто с оркестром... ну, у нас фестиваль в Финляндии... мы... выступаем там завтра... нас вызвал главный... ну... дирижер... сейчас. Я быстро!

Таня бросилась бежать в поисках подруги, но Александр остановил её, положив на девичье плечо свою большую теплую руку. И тут Таня вдруг поняла, что ужасно замерзла.

– Подожди, это не срочно – Бог с ним, с этим биноклем! Ты же совсем замерзла! Пойдем, лучше горячего чаю выпьем?

– Чаю?! – Это было самое последнее, о чем сейчас могла думать бедная девушка. Ей бы вернуть поскорее молодому человеку его вещь и бежать с глаз долой, а он: «чаю!»

– Ну да, чаю. У нас шеф-повар на кухне очень вкусный чай заваривает со всякими травами. Тебе понравится.

«Похоже, что этот Александр сейчас просто издевается надо мной?!» – подумала Таня. Она набралась мужества и высоко подняла голову, что бы посмотреть в его наглое (а в этом она была уверена!) лицо, но тут же поняла, что совершила ошибку. Их глаза встретились. В его веселых серо-зеленых глазах она увидела отражение своих карих глаз, сверкающих гневом. Это было настолько несовместимо и забавно, что Таня не смогла удержаться от смеха. Такое было с ней впервые: её знаменитый испепеляющий взгляд не сработал! Но именно сейчас ей меньше всего хотелось анализировать произошедшее, потому что она безумно захотела горячего чаю. Татьяна просто кивнула и молча поспешила за ним по коридору. Она, почти бежала за ним, поскольку на один его гигантский шаг приходилось её два, а то и три маленьких шага. Он распахнул перед ней какую-то дверь, и они оказались на кухне одного из судовых ресторанов. В углу кухни стоял небольшой столик с чайными приборами; за него Александр и усадил свою гостью. Сам он подошел к повару, о чем-то с ним переговорил вполголоса и вернулся к Тане за стол.

Чай оказался удивительно ароматным и вкусным. Таня обхватила белую чашку обеими ладонями, пытаясь согреть замерзшие пальцы о горячий фарфор. Молодые люди как-то сразу легко и свободно разговорились. Александр выяснил, что его новая знакомая заканчивает первый курс Консерватории, и что сама она из Подмосковья, где у неё осталась мама с отчимом и маленьким братиком. Таня рассказала, что они с оркестром приглашены Консерваторией Хельсинки для участия в музыкальном Фестивале имени Сибелиуса и завтра у них выступление. Об Александре она узнала, что он заканчивает обучение в Морской академии и сейчас ему посчастливилось проходить практику на данном судне, чем он весьма доволен. Но вскоре ему пришлось покинуть девушку, поскольку наступало время его вахты. А Таня, быстро допив свой чай, тихонько выскользнула из служебного помещения и направилась к себе в каюту.

Войдя, она обнаружила тот самый злополучный бинокль – он небрежно валялся на тумбочке и таращился на неё своими огромными стеклянными глазищами. Таня вся вспыхнула при виде его. В этот момент дверь распахнулась и в каюту, как ураган, влетела Лера.

– Ты где так долго пропадала, Танюх? Шеф опять замучил своими наставлениями? И чего он только до тебя цепляется...

Она зевнула и плюхнулась на кровать всем своим пышным телом, продолжая:

– А мы так наплясались с ребятами – аж ноги отваливаются теперь. Жалко, что тебя не было. Я несколько раз прибежала за тобой, но увы, безуспешно!

– А почему ты все еще не вернула бинокль? – спросила Таня подругу, лукаво улыбаясь. – Мне, между прочим, пришлось извиняться за тебя!

Лера разом присела на кровати и удивленно спросила:

– Шо? Ты нашего морячка видела?! Та ладно!!! И чего он?

– Шо – шо? – передразнила Таня Леру. – Сказал, что бы ты ему больше на глаза не попадалась. А то поколотит.

Девушки одновременно рассмеялись. Лера сквозь смех продолжала свой допрос:

– И все же, что он сказал? Как он, вообще, тебе? Правда, красавец-мужчина? Такой высокий, блондин, бли-и-ин..., и до чего ему идет морская форма! Жаль, я блондинов не люблю – не мой типаж, а то бы охмурила его моментально. То ли дело наш шеф... – Лера мечтательно закатила глаза и откинулась назад, разметав по подушке свои густые, пушистые волосы.

Профессор Вознесенский был кумиром всех студенток. В свои 35 лет он уже успел сделать неимоверную карьеру, добиться определенной известности в музыкальных кругах, как композитор. И вообще, его харизматичность просто зашкаливала. Попасть к нему в оркестр было большой удачей. Редко какая студентка не смотрела на него с женским восхищением. Он умел быть галантным и не скупился на комплименты. Все знали, что «лапушка» в его устах означает – «умница, красавица», а «кулёма» – значит все плохо, надо расти еще и расти. Он был весьма хорош собой, держался с достоинством, никогда не позволяя себе опускаться до унижения студентов обидными словами. И как не пытались заинтригованные им девушки выяснить хоть что-то о его семейном положении – все оставалось на уровне сплетен, обросших мхом. И Лера не была исключением. Будучи студенткой третьего курса, она уже не первый год восхищалась своим дирижером.

– Он меня чаем напоил, представляешь?

Лера широко открыла глаза и переспросила:

– Кто, Вознесенский?!

– Да нет же, Александр.

– Шутишь?! С пирожинками? А ну-ка, поподробней с этого места!..

Сонливость Леры словно рукой сняло, и пока она не вытрясла из подруги все подробности этого вечера, пока они вдоволь не насмеялись, сон их так и не взял.

Глава 3. Вознесенский

Они, как всегда, опаздывали – в дверь их каюты уже вовсю стучали. Конечно, они ведь уснули только под утро! Вчера подружки так долго болтали и смеялись, что потом никак не могли уснуть. Но когда сон их сморил, под дверью раздался такой грохот и шум, что обе девушки одновременно выпрыгнули из своих постелей. Таня бросилась к двери, и в тот момент, как она потянулась к дверной ручке, чтобы открыть её, дверь распахнули снаружи и она с разбегу уткнулась своей растрепанной головой в чью-то грудь. Отпрянув на шаг назад, она услышала за своей спиной певучий голос Леры:

– Бо-о-оже! Какие люди!!! Проходите, проходите. Вот ваш бинокль, молодой человек. Спасибо громадное! Та шо б вы знали, как нас выручили вчера – просто слов нет!

Лера была в своем репертуаре – ничто не могло заставить её врасплох, даже тот факт, что сейчас она стояла посреди каюты заспанная и полурасдетая. Она самым бесстыдным образом умудрялась кокетничать с молодым человеком, даже в этой ситуации. Таня, укутанная в одеяло, подпирала косяк входной двери, все время пытаясь показать глазами своей подруге на её внешний вид. Но ту просто понесло – Мариинский Театр давно рыдал навзрыд без такой актрисы. Лера, играя голосом и томно поглядывая из-под своих пушистых ресниц на Александра, как ни в чем не бывало, вручила ему бинокль и, взяв его под руку, проводила за дверь, попутно напевая ему про то, что он должен непременно проводить их у трапа, дабы она не сломала себе ногу или шею, спускаясь по крутым ступенькам. Когда дверь за матросом закрылась, девушки рассмеялись и кинулись очень спешно собираться. Таня хотела было снова начать пилить подругу за её беспардонность, но увидев в отражении зеркала, что у самой неё видок не лучше, даже не стала начинать.

Вся группа оркестрантов уже была на палубе, ждали только их. Вознесенский строго посмотрел на приближающихся девушек, но ничего не сказав, первый направился к выходу. Ребята последовали за ним. Девчата переглянулись – пронесло! Профессор терпеть не мог когда кто-то опаздывал. Утро было довольно прохладным и Таня, накинув на голову капюшон своей теплой кофты, и спрятав руки в карманы двинулась вслед за подругой по узкому проходу, заполненному людьми. Тане повезло больше всех остальных оркестрантов – ей, как пианистке, не надо было возить с собой рояль, в то время как другие ребята везли с собой свои инструменты: скрипки, виолончели, флейты, а потому за спиной у неё висел лишь небольшой рюкзак с личными вещами и нотами. Приближаясь к выходу девушка вздохнула с облегчением, обнаружив, что Александра нигде поблизости не было – ей совсем не хотелось встретиться с ним снова, особенно после утреннего столкновения в дверях каюты. Лера, напротив, озираясь по сторонам, в надежде увидеть среди провожающих пассажиров на берег матросов, своего нового знакомого, но его нигде не было. А уже в микроавтобусе, который прислала за группой принимающая сторона, девушки и вовсе забыли думать о своих приключениях на судне. Сейчас им предстояла генеральная репетиция перед концертом в концертном зале Консерватории им. Сибелиуса, и поэтому необходимо было сосредоточиться исключительно на музыке.

Концерт прошел просто великолепно! Финны, а их было большинство в зале, оказались очень большими ценителями музыки и аплодировали стоя, снова и снова вызывая на поклон дирижера и солистку. Глаза Тани светились от такого небывалого успеха и теплого приема благодарных слушателей. Вознесенский был более чем доволен – премьера его нового произведения по достоинству была оценена жюри, и домой в Питер оркестр увозил такой желанный главный Кубок Гран-при. Оркестранты ликовали, тем более, что через неделю заканчивалась учебная сессия и все уже мысленно были на каникулах.

Вечером того же дня после концерта ребята разделились по группам и разбрелись гулять по городу, а ночь им предстояло провести на пароме. Лишь Таня, как солистка победившего

коллектива, вынуждена была остаться на фуршет, организованный для руководителей и почетных гостей фестиваля. Она даже не осознавала в тот момент, с какой радостью на её месте хотела бы оказаться любая из оркестранток, но для Тани это было настоящей мукой – она не любила большие тусовки. Однако шеф не допускал возражений и ученица послушно последовала за ним и другими гостями в просторный зал, где тихо играла музыка, а накрытые столы подсвечивались серебристыми неоновыми огоньками. Весь вечер ей приходилось мило улыбаться незнакомым людям, с которыми так запросто общался Вознесенский. Он говорил на прекрасном английском, без переводчика, и всякий раз, представляя свою спутницу, как главную исполнительницу своего нового произведения, слегка придерживал девушку рукой за её тонкую талию. Ей было немного не по себе от такой вольности педагога, ведь в роли галантного кавалера она и представить себе его не могла. Для Тани он был самым строгим преподавателем на кафедре, она до смерти боялась навлечь на себя его недовольство и тем самым привлечь к себе его внимание, и потому всегда очень добросовестно учила партии и неукоснительно выполняла все требования. И вот теперь, стоя рядом с ним и стараясь мило улыбаться его собеседникам, девушке казалось, что все это происходит не с ней, и что это не их дирижер протягивает ей сейчас бокал шампанского. И вообще, она ощущала себя очень взрослой, почти ровней ему.

После приема Вознесенский отказался от услуг водителя машины, который должен был доставить его на паром, и они с Таней неспешно пошли пешком по вечерней столице Финляндии, в которой он прекрасно ориентировался, бывая тут довольно часто. Таня приготовилась всю дорогу выслушивать его бесконечные разговоры на музыкальные темы, но этого не случилось. Вместо этого профессор устроил ей целый экскурс по Хельсинки, подробно окунаясь в самые исторические корни этого города, и она была приятно удивлена его всесторонними познаниями. Девушка и не подозревала, что он такой приятный собеседник и совсем сейчас перед ним не робела, как обычно на занятиях по фортепиано.

Вдруг он заметил, как его спутница кутается в легкий шарфик, покрывавший её обнаженные плечи и тут же скинул свой концертный фрак, что бы накинуть его на озябшую спутницу, со словами:

– Господи, лапушка, да ты, наверное, замерзла? Это моя вина, я совсем не подумал, что ты в концертном платье! Еще не хватало, что бы ты сейчас простыла и сорвала завтрашний Гала-концерт.

На самом деле вечер был теплым, но Таня сама по себе была мерзлячка, поэтому не стала отказываться от предложенного ей фрака, хотя понимала, как она сейчас будет глупо выглядеть в красном длинном платье, спускающимся от хрупкой талии мягкими складками до самой земли, на высоких каблуках и... во фраке, наброшенном ей на плечи. То, каким в этот момент предстал перед ней её строгий и чопорный преподаватель, поразило её окончательно – без строгих костюмов он выглядел совсем молодым, стройным и спортивным мужчиной. Таня поняла, отчего девушки-студентки так сходят с ума по нему, особенно её подруга Лера! Только как, как они умудрялись разглядеть в этом строгом и серьезном человеке обычного симпатичного мужчину? Таня засмеялась про себя над своей наивностью и детскостью, из которой, видимо, до конца так еще и не вышла. Она и сейчас, шагая рядом с ним не могла преодолеть в себе тот комплекс прилежной ученицы, который прилепился к её образу еще со школы.

– Ну, что, надо срочно согреть тебя? Я тут знаю один отличный кафетерий. Ты любишь кофе? – в голосе Андрея Петровича прозвучали озорные нотки. Таня вскинула голову, что бы убедиться, что это действительно один и тот же человек, и ответила:

– Да. Со сливками и сахаром.

– Так ты у нас сладкоежка? – Глаза Вознесенского весело посмотрели на неё и, положив руку ей на талию, он направил девушку к светящемуся входу в кафетерий, который находился за ближайшим поворотом.

Глава 4. Возвращение в Питер

Корабль, стоящий на причале, светился разноцветными огнями. На палубе было некоторое движение – пассажиры возвращались с прогулки по городу и поднимались на борт своей плавучей гостиницы. Внутри парома их ожидали вечерние шоу и представления, и вообще, вокруг все было пропитано атмосферой праздника. Мужчина и девушка не спеша приблизились к пароходу, он подал ей руку, помогая преодолеть первую ступеньку, а она, благодарно улыбнувшись ему и, подобрав свое длинное платье, шагнула на палубу. Потом мужчина осторожно снял с её плеч свой фрак, слегка пожал кончики пальцев её правой руки и удалился внутрь этого огромного лайнера.

Девушка оглянулась по сторонам, высматривая среди снующих туда-сюда пассажиров знакомые лица. Никого не увидев, она проскользнула в открытую дверь и исчезла в чреве корабля, так и не заметив, что все это время с капитанского мостика за ней наблюдал моряк Александр, о существовании которого, Таня, казалось уже и забыла.

Было время ужина и она поспешила в ресторан, в надежде найти там своих друзей. Таня не ошиблась. Увидев её, ребята замахали ей руками, призывая присоединиться к их столику. Юная пианистка помахала в ответ, и аккуратно стала пробираться к ним между людьми с подносами, передвигающимися от одного стола к другому.

За столиком сидело трое молодых людей – Лера, Даша и Семён, они тут же засыпали её вопросами о прошедшем фуршете. Таня только успевала отвечать. Вскоре Семён и Даша покинули подруг – надо сказать, что эта влюбленная парочка вызывала умиление у всего оркестра. Девочки остались за столом одни. Перед Лерой стояла тарелка с пирожными, которые она потребляла в таких же количествах, что и таблетки при простуде.

– Ты почему ничего не ешь? На фуршете что ли наелась? Что там давали, вообще? – спросила Лера подругу, отправляя в рот очередную марципановую вишенку.

– Да, ничего особенного – одни бутерброды. И море шампанского! – ответила Таня.

– Вау, я тоже хочу шампанское! Какая ты таки везучая, Танька. А шеф? Он тоже пил?

– Конечно. И меня угощал. Да все там держали в руках бокалы, даже те, кто и не собирался пить – так принято на таких приемах. Это мне профессор успел шепнуть, подавая бокал. Слушай, а как он изъясняется на английском! Я и не предполагала, что он такой у нас!

– А я ж про шо?! Говорила тебе, что супер-мужик наш Вознесенский? Какая ты счастливая, подруга. С самим Андреем Петровичем шампанское пила!

И Лера драматично закатила глаза к потолку, чем в очередной раз рассмешила Таню. Таня решила больше не рассказывать ей никаких дальнейших подробностей об их вечерней пешей прогулке по городу, дабы не травить воображение подруги, зная, что та до утра будет причитать о своей «несчастной судьбе».

На следующий день паром покидал порт Хельсинки и возвращался домой в Санкт-Петербург. После заключительного Гала-концерта оркестранты были доставлены на корабль. Все находились в приподнятом настроении, поскольку возвращались домой с полным триумфом.

Лера всю дорогу пыталась найти глазами Александра, но его, как назло, нигде не было видно. Только за несколько часов до прибытия, когда девушки стояли на корме и весело болтали, обсуждая такую замечательную поездку, за их спинами раздался знакомый насмешливый голос:

– Привет, девчонки!

Таня не поверила сначала: он дернул ее за кончик косы, в которую девушка обычно заплетала свои густые темно-каштановые волосы! Она гневно посмотрела на него, хотя довольно непросто было изображать из себя рассерженную фурию, когда на тебя сверху смотрят два нахальных зеленых глаза.

– О, Боженьки! – запела Лера. – А я-то думала, куда наш морячок пропал?! Шо, не интересны стали девушки, как не стало у них бинокля? Ай-яй-яй! Та зато мы Гран-При выиграли, ага!

– Поздравляю, молодцы. Я не сомневался в вас. Разве могут такие милые девушки плохо играть?

– Ой, та я вас умоляю! – протянула Лера. – То все Танюшка – если бы не её знаменитое соло... Она у нас вообще звезда – солистка! Шеф теперь буквально пылинки с неё сдувать должен!

Тане совсем не понравились лукавые огоньки, сверкнувшие в глазах молодого человека:

– Ну, да, конечно, – сказал он, – видел я вчера, как он сдул с её плеч свой пиджак, оставив бедную девочку мерзнуть на палубе.

Похоже было, что моряк сам еле сдерживается, что бы не рассмеяться, глядя на то, как изменились лица обеих девушек. Таня готова была сейчас убить его за эти насмешливые, издевательские нотки в голосе, а особенно за то, что он вчера оказывается наблюдал за ней. А Лера, переводя ошарашенный взгляд с одного на другую, просто потеряла дар речи на какое-то время. Но это была бы совсем не Лера, если бы уже в следующее мгновение её громкий возглас на раздался над головой подруги:

– Шо-о-о-о?! Какой такой пиджак?! Та-а-ак?! Я чего-то не знаю?! Танюха, а ну, стой! Куда это ты собралась?

И девушка пустилась вслед за своей убегающей подругой, натываясь на людей и расталкивая их. Таня сама не поняла, почему ноги её самовольно сорвались с места и рванули куда-то вдоль борта корабля. Александр посмотрел вслед убегающим подружкам, которых как ветром сдуло, покачал головой и отправился дальше по своим делам. Он всегда подозревал, что нереально мужикам понять, чем набиты женские головы, так же, как невозможно проследить и за их женской логикой, в существовании которой он, впрочем, сильно сомневался. Но эти две девчонки почему-то особенно его веселили.

Глава 5. Найденная грамота

Всё. Последний экзамен бы сдан и студенты, поздравляя друг друга, и прощаясь до следующего учебного года, покидали стены Консерватории. Таня спускалась вниз по лестнице в фойе, где однокурсники договорились встретиться, что бы потом все вместе отметить это событие в ближайшей пиццерии. А еще надо было сходить на вокзал за билетом домой, в Москву.

В Питере Таня проживала у сестры отчима – тёти Оли, в самом историческом центре. Тетя Оля – молодая женщина тридцати лет была медиком, как и её брат; она была не замужем, но имела очень близкого друга Игоря. Они работали в одной клинике и, хотя он давно звал Ольгу замуж, та почему-то никак не соглашалась. Имея в центре трехкомнатную квартиру, тетя Оля без проблем поселила юную студентку в одну из комнат. К слову сказать, это была квартира, доставшаяся им с братом по наследству от родителей. Но брат Сергей, который сам еще будучи студентом заменил своей сестре рано ушедших родителей, позднее переехал в Москву, оставив все наследство своей младшей сестре, которую очень нежно любил. Сестра отвечала ему взаимностью и сильно уважала брата. Так что Тане повезло с отчимом, как и её маме с мужем. Когда восемь лет назад он появился в их жизни, мама снова расцвела, а вскоре у Тани появился братик – Алеша.

Таня уже мысленно представляла себе, как братишка радостно бросится к ней навстречу, когда она войдет в дом, но в это время голос вахтерши остановил её:

– Таня! Серебрякова! Постой-ка, деточка, тут для тебя сообщение. Звонил молодой человек. Александр, кажется, – она надела очки и стала шарить по столу руками, – куда же я записала? А, вот, на листочке. Просили непременно передать. И что бы ты перезвонила обязательно. Твоя грамота нашлась. Вот ведь растеряха!

С этими словами она подала Тане тетрадный лист в клеточку, где аккуратным почерком было выведено имя и номер телефона. Так вот где она посеяла грамоту за победу в Финляндии! Таня обыскала все в своей комнате, перетрясла все учебники, несколько раз опустошала рюкзак, но так ничего и не нашла. Ей даже в голову не могло прийти, что грамота осталась на корабле! Вот уж, правда, растеряха. А между тем шеф уже несколько раз настоятельно требовал с неё ксерокопию этой грамоты. Таня отговаривалась, как только умела, боясь признаться педагогу, что потеряла её. Надо было срочно забрать грамоту и сделать копию для Андрея Петровича.

Девушка достала из кармана мобильный телефон и поспешила набрать, записанный на листочке номер.

– Тань, ну, ты идешь, или как? – позвали её ребята.

Она, прикрывая трубку ладонью, ответила:

– Одну минутку, ребят – только один важный звонок.

И отошла в сторону, где было потише. Знакомый веселый голос сообщил ей, что грамоту можно забрать сегодня в семь часов вечера на Английской набережной у причала. Посмотрев на часы, Таня поняла, что у неё есть ровно час, и, знаком показав друзьям, что она не с ними, пообещала собеседнику, что скоро будет. Ей надо было спешить, и она вышла на улицу.

По дороге она размышляла над тем, как же Александру удалось найти её, но потом поняла: в грамотах всегда указывается полное имя и место учебы награжденного, а уж найти телефон любого учебного заведения в наши дни, когда существует всемогущий «гуглпомощь» и вовсе не проблема.

Судьба как будто смеялась над ней в последнее время, подкинув ей этого Александра, и перепутав дорожки молодых людей таким образом, что они никак не могли распутаться. Это было уже не смешно, и Таня начала сердиться сама на себя за то, что никак не может

выпутаться из этой истории с биноклем, в которую её так ловко втянула Лера. Ей-то что? Для неё это всего лишь веселый эпизод, их каких состоит вся её жизнь, а для Тани это становилось сущим наказанием. «Слава, Богу – это в последний раз!» – думала Таня. – «Вот сейчас, заберу свою грамоту, поеду за билетом, и, если повезет, то уже послезавтра буду дома.»

Приближаясь к причалу, она пристально всматривалась в пришвартованный корабль, пытаясь увидеть Александра. Он заметил её первым и помахал ей рукой, показывая, что сейчас спустится к ней, и исчез внутри. Таня прислонилась спиной к гранитному ограждению набережной, и стала набирать номер своей подруги Леры, что бы выяснить её планы на вечер. Оказалось, сегодня они со своим курсом идут на концерт в Филармонию, и увидаться им никак не получится. Таня вздохнула, и еще раз подумала, что сама виновата в том, что сейчас она осталась одна, пока все её друзья весело отмечали окончание учебного года.

Сзади её легонько дернули за косичку.

– Привет!

Нет, это стало уже невозможно терпеть, и девушка, рассвирепев, обернулась, что бы высказать все, что у неё накопилось в отношении такого нахальства. Она не сразу признала в молодом человеке, стоявшем перед ней того самого моряка Александра. Сейчас перед ней был обычный парень в джинсах небесно-голубого цвета и белой футболке. Теперь он ничем не отличался от прогуливающейся по вечерней набережной молодежи. Разве, что своим высоким ростом. Но это несколько не смягчило её гнева.

– Ну? Где моя грамота? – вместо приветствия сухо произнесла она, считая, что в её голосе сейчас звучит достаточно недовольства.

– Да вот она, здесь.

Он протянул ей, аккуратно уложенный в новенький, прозрачный файл, документ. «Ну, надо же, какой педант – упаковал еще!», – подумала Таня, а вслух добавила:

– Спасибо, конечно, но мне пора. До свидания.

– Сто-о-оп! А отблагодарить?

Он не дал ей уйти, вновь оказавшись перед ней.

В этот момент Таня по-настоящему пожалела, что рядом нет Леры, которая с легкостью не только цепляла парней, но и отцепляла их, как надоедливые шарики репейника.

– Ну, что еще? – потухшим тоном спросила недовольная девушка, – Мне, действительно пора на вокзал, за билетом. Что Вам, шоколадку надо, что ли? Так я принесу в следующий раз.

– Шоколадка, конечно, не помешала бы, но раз её нет, то придется откупаться мороженым. За мой счет, разумеется.

Он снова смеялся над ней, и у неё уже не было никаких сил противостоять его обаянию. Она только махнула рукой, и собралась идти по направлению к метро, как рядом с ними раздался женский голос:

– Саш, ну что, ты ко мне? Или куда подвезти тебя? Вон, Мишка, на машине подъехал.

Таня не успела опомниться, как на шее у Александра повисла высокая, под стать ему, очень симпатичная девушка. Краем глаза Таня видела, как она спустилась с того же корабля, что и Александр. Она поцеловала его в щеку и тут же вытерла рукой оставленный след от губной помады. Он, несколько не смутившись, бодро отвечал:

– Свет, на вокзал подбросите нас с сестренкой? Билет надо купить.

Девушка бегло посмотрела на Таню с высоты своих шпилек, как будто только что её заметила. По её лицу скользнула едва уловимая тень недовольства, во всяком случае так показалось Тане, но тут же расплывшись в широкой улыбке, она произнесла:

– Да, конечно. Садитесь.

Не успела Таня опомниться, как оказалась в салоне незнакомой машины, с совершенно незнакомыми ей людьми. Мама была бы в ужасе, узнай она об этом! И что всё это, вообще, значило? Александр, не моргнув глазом, представил её своей «сестренкой», даже голос у него

не дрогнул, вот ведь нахал! Да, права была мама, когда называла всех моряков «бабниками». Таня только одного не могла понять, как она, такая правильная девочка из приличной семьи, могла оказаться в подобной ситуации? Что-то явно вышло из-под её контроля, и девушку это сильно напрягало.

Глядя в окно машины, она видела, как мимо проносились фасады старинных зданий, украшенных лепниной. Город зажигал вечерние огни, по широкому тротуару Невского проспекта прогуливались люди. А вот и Московский вокзал показался впереди. Александр подал Тане руку, что бы помочь ей выйти, но девушка, сделав вид, что не заметила этого благородного жеста, самостоятельно выбралась из салона. Она больше не пыталась избавиться от свалившегося на её голову спутника – просто поняла, что это бесполезно. А потом, с ним было весело, почти как с Лерой. Он жутко флиртовал с девушкой-кассиршей в билетной кассе, и так уломал её продать ему билетик на нижнюю полку; как-то это у него само собой получалось, очаровывать женщин. А потом, по дороге к Таниному дому, и, выполняя свое обещание насчет мороженого, Александр купил два вафельных стаканчика. Она не пригласила его на чай, хотя, была уверена в том, что он бы не отказался. Попрощавшись у парадной, они расстались почти друзьями. Конечно, для девушки Александр так и остался по-прежнему случайным приятелем, о котором она совсем ничего не знала. Сам он не рассказывал о себе, а она не имела привычки лезть к человеку в душу, считая, что каждый сам для себя решает что и кому рассказывать.

Глава 6. Александр

Александр не помнил своих родителей – он рано остался круглым сиротой. Ему не было и одного года, когда глупейшая автомобильная авария унесла жизни двух самых дорогих ему людей и он попал на воспитание в семью тетки Любы – маминой сестры. У тетки было пятеро детей, жили они в обычном деревенском доме в самой настоящей глубинке России. То был один из Уральских поселков городского типа. Тетка Люба была строгой и суровой женщиной, религиозной до фанатизма. Ни разу не видел маленький Саша её празднично сидящей без дела. Вставала она с первыми петухами, целый день крутилась-вертелась по хозяйству, пока муж её дядя Петр зарабатывал свой хлеб для большой семьи в колхозном поле. Дядя был трактористом. Сама тётка была в постоянном декретном отпуске по уходу за малыми детьми, которых был полон дом.

Воспитывался маленький Саша наравне с остальными детьми, приучался с малолетства к деревенскому труду, а ласку знал только от старых морщинистых рук бабушки, которая жила в доме своей дочери, помогая ей нянчить детей. От бабушки исходило какое-то особенное тепло и такая доброта, что маленькому Сашеньке порой хотелось спрятаться у неё в объятьях и не спускаться с её колен до самой своей старости. Тётка ворчала за это на старушку-мать, мол, нечего ребёнка портить и к нежностям приучать. А когда Саше минуло пять лет бабушки не стало, и вместе с ней ушел из жизни маленький человечек последний светлый лучик тепла. Саша почувствовал себя совсем никому не нужным и лишним в семье, где дядя безропотно подчинялся хозяйке-жене, а та в очередной раз вскармливала новорожденного младенца. То была девочка. Первая девочка в семье, где уже было пять мальчиков, включая Сашу. Девочку назвали Машей. Она все время плакала, замолкая лишь тогда, когда к её кровати подходил двоюродный брат и начинал с ней болтать и петь ей песни. И так маленький Саша привязался к этой малютке, что не стало в его жизни ближе и роднее человека, чем сестренка Машенька. Ему казалось, что она, так же как и он, совсем никому не нужна на этом свете. Братья мало обращали на неё внимания, а родители и вовсе преспокойно позволили маленькому Саше взять все хлопоты по сестренке на себя.

А потом пришло время идти в первый класс, и выпало оно на тот период, когда в стране воцарился хаос, когда старый советский уклад жизни был разрушен, и ничем не заменен на новый. Жить стало тяжело во всех отношениях – и морально, и материально, и Саша оказался в школе-интернате. С одной стороны он был рад тому, что вырвался из рутинной деревенской жизни, ведь в городе для него открывались совсем другие возможности, а с другой стороны, мальчик сильно скучал по сестренке Машеньке. Но он дал себе слово, что когда вырастет и станет капитаном, как его отец, то непременно заберет сестренку к себе в город.

Не смотря на все невзгоды, выпавшие на его долю еще с малолетства, Александр не ожесточился и не озлобился. Доброта его бабушки, переданная с генами матери, согревала его с самого детства.

Вот и сейчас, откинувшись на диванных подушках, и набирая номер телефона на своем смартфоне, он улыбался.

– Алло? Маняшка, привет! Не спите еще? Ну, как ты там? С пополнением когда уже вашу семью можно будет поздравить? Еще три недели? Да как это я не звоню?! Как забыл совсем?! Митя как? Ничего, пускай поволнуется. Приехать? Очень хочу, правда!!! Не получается пока. В рейс предлагают сходить. В дальний. Что тебе привезти? Как это ничего?! Машь, не обижай меня! Я же говорю: в рейс уйду. Как только приду, то сразу к вам с Митей приеду – на племянника посмотреть.

Собеседница что-то стала говорить, много и подробно, а Александр только улыбался ей в ответ, словно она могла видеть эту его улыбку. А Маша очень серьезным голосом спрашивала:

– Ты там еще не женился, нет? Что думаешь-то? Света, поди, ждет не дождется, пока ты ей предложение сделаешь. Чего зря девчонке голову морочишь? Любит ведь она тебя. Не нравится она тебе, что ли совсем?

– Нравится, – отвечал брат сестре.

– Так в чем же дело тогда? – не унималась сестра.

– Нравится, но не настолько, что бы жениться сразу. Она хорошая, конечно...

– Так вот и женись тогда, раз хорошая, – перебила его Маша. – А то так и останешься холостяком. Тебе лет-то уже сколько? Вот ведь время-то летит, а, Саш?

– Все, Маняш. Давай, пока. Позвоню еще. А как приду с рейса, то сразу к вам, обещаю.

Александр не любил, когда сестра заводит тему о его женитьбе. Конечно, она беспокоилась, что он совсем один в чужом огромном городе, и некому о нем позаботиться. Сама-то она выскочила замуж сразу после окончания педагогического училища, за своего одноклассника, с которым дружила с пятого класса, и уже ожидала своего первенца. Зато брат в свои двадцать шесть лет по-прежнему оставался завидным холостяком.

Нельзя сказать, что бы в его жизни не было любимой девушки, напротив, он любил всех девушек, которые его окружали. Все они ему казались необыкновенными красавицами, ни кого из них он не обделял вниманием, только отношения у него с ними складывались какие-то неправильные – ко всем без исключения он относился как брат, заботливый и внимательный. Сперва девушки воспринимали его заботу за нечто большее, но те, что оказывались поумнее, скоро понимали, что у него и в мыслях нет, что бы заводить с ними серьезные отношения, и тем более жениться, и сами сходили с дистанции.

В дверь позвонили. Александр нехотя пошел открывать. Сейчас ему совсем не хотелось никого видеть, поскольку после рейса он обычно отсыпался в тишине своей комнаты, которую снимал в квартире старого друга – учителя по Академии. На пороге стояла Света, та самая девушка, о которой он только что говорил по телефону с сестрой. Света была фитнес тренером на пароме, где и познакомилась с Александром. Она действительно была влюблена в него с первого взгляда и, принимая его знаки внимания за ответную любовь, нисколько не сомневалась в том, что всё у них серьезно. Высокая, стройная красавица спортивного телосложения, она и мысли допустить не могла, что бы кто-то мог устоять перед её исключительностью.

– Привет! – нежно прозвучал её голос. И она поцеловала Сашу в щеку.

– Пустишь? – спросила она, указывая на бутылку шампанского в её руке.

– Заходи, конечно. – Александр просто не мог ей отказать – это было бы верхом неприличия. Он не мог обидеть девушку, и, преодолевая усталость и подбирающийся к нему сон, пошел на кухню за бокалами.

– Я чего пришла, Саш? Разговор есть серьезный. Посоветоваться с тобой хочу.

Саша вернулся в комнату, поставил бокалы на журнальный столик и, откупоривая бутылку с шампанским, спросил:

– Ну, что там у тебя случилось?

Его глаза, как обычно, смеялись. Девушка смотрела в них, и никак не могла понять, что же кроется за этим взглядом: то ли легкомыслие, то ли нежелание понимать всю серьезность их положения?

– Случилось, Саша, – сказала она с легкой грустью, беря бокал из его рук, – видишь ли, Майкл сделал мне предложение. Сегодня.

И она вопросительно и очень внимательно посмотрела на Сашу.

– Ух, ты?! А ты чего? – Молодой человек, казалось, искренне удивился.

– А я что? Я другого люблю. Другого, понимаешь, Саш? Я тебя люблю! – в отчаянии выпалила Светлана.

На минуту в комнате повисла тишина. Улыбка сошла с лица Александра. Он вдруг стал очень серьезным. Слегка нахмутив лоб он подошел к девушке и, взяв её за плечи, усадил

на диван, сам же сел напротив, прямо на журнальный столик. В её огромных глазах он видел немой вопрос, и понимал, что именно она от него хочет услышать в данный момент. Стараясь говорить очень аккуратно, тщательно подбирая слова произнес:

– Понимаешь, Светик, ты тоже мне дорога. Даже не представляешь насколько! Ты самая классная девчонка, из всех что я знал, правда! И я...

Она перебила его, как будто боялась услышать продолжение:

– Так женись на мне! Хочешь, сейчас я останусь у тебя навсегда? Насовсем, понимаешь? Я буду самой хорошей женой, самой любящей, поверь.

– А... как же Майкл? Мишка ведь, кажется, действительно до смерти влюблен в тебя?

– А Майкла я завтра же отправлю в его Америку! Пусть без меня едет.

И она, оставив свой бокал и взяв в руки его ладонь, прижалась к ней щекой, любовно заглядывая ему в глаза. Александр смотрел на неё и, залюбовавшись её совершенной красотой, совсем забыл, что она ждет от него ответа. Он рассмеялся своим красивым смехом. Она засмеялась вместе с ним и весело уже переспросила:

– Ну, так что? Я остаюсь? – В её глазах заиграли счастливые огоньки.

Не в силах противостоять её женскому упрямству, он сказал:

– Конечно, оставайся, если хочешь. Я постелю тебе в гостиной.

И вышел из комнаты, не заметив, как легкая досада пробежала по лицу девушки.

Глава 7. В самолёте

Неделю спустя Александр летел в Гамбург, откуда ему предстояло отправиться в свой первый дальний рейс в качестве третьего помощника капитана на огромном танкере, бороздившем южные моря под флагом Германии. Капитан этого судна – Алексей Павлович, был его хорошим знакомым и именно он пробил эту должность для своего молодого друга. Александр давно уже хотел выбраться из акватории Финского залива на большую воду, и теперь, когда ему это удалось, он был весьма доволен своим новым назначением. Дальние страны манили его с детства. Он сидел в мягком кресле авиалайнера, и, закрыв глаза и наслаждаясь полетом, думал о том, как же все удачно складывается в его жизни. Только эта история со Светланой... Да... ничего у них не вышло серьезного. В его ушах до сих пор звенел девичий смех, наполненный искренним удивлением и непониманием его личного мировоззрения.

Он вспомнил ту злополучную ночь, когда она пришла к нему с шампанским. Теперь-то он понимал, как сильно отличались их желания и планы на тот вечер, но тогда... «Каким же дураком я был, всё-таки! Вот балван! Нет, никогда мне не понять этих женщин... Говорят одно, подразумевают совсем другое! То ли дело у мужиков: сказал – сделал. Зачем им все так усложнять надо?» Он снова и снова прокручивал в памяти события того вечера, пытаясь понять, чем мог так обидеть девушку, что бы она даже не пришла сегодня в аэропорт проводить его, ведь они договорились остаться друзьями? В ту ночь, когда он пытался объяснить ей свою жизненную позицию в отношении девушек, которых, как он был убежден, мужчина обязан беречь до брака в чистоте и невинности, она просто рассмеялась ему в лицо:

– О, Господи! И откуда ты такой взялся?! Ты серьезно полагаешь, что сейчас девушки, которым, как мне, уже далеко за двадцать, считают так же?! Это же просто антиквариат какой-то! Ну, ты и смешной, однако!

Это было уже обидно. Но он сдержался и спокойно продолжал говорить ей:

– Свет, но ты только представь: вдруг у нас с тобой ничего не получится – я все же в дальний рейс ухожу. Всякое может быть... Вдруг ты, не дождавись меня, захочешь замуж выйти, за того же Майкла, что он скажет на это? Понравится ли ему то, что его жена не сохранила себя для него? Это же нечестно...

И тут она засмеялась тем самым смехом, который до сих пор стоял в его ушах. Она смеялась и говорила одновременно, и сквозь её смех он слышал только, что она, конечно, ужасно любит его за такое благородство, только в её случае, ему уже не о чем беспокоиться – поздно. И вообще, она давно уже взрослая молодая женщина, которая сама решает где и с кем ей быть и в каких состоять отношениях.

Это больше всего кольнуло молодого человека. Это было сродни предательству. Ведь сам он искренне полагал, что только между мужем и женой может быть та связь, которая сроднит их навечно, и что в жизни есть такие вещи, которые можно разделить только со своей законной половинкой. Он никогда не задумывался над тем, кто и когда вложил в его голову такие мысли, которые со временем стали его жизненным правилом. Воспитываясь в школе-интернате, без примера перед глазами в виде образцовой семьи, он каким-то чудесным образом вырос вот таким честным и благородным, с таким несовременным, как выяснилось, взглядом на жизнь. Может быть, именно потому, что он не знал своей семьи и не помнил своих родителей, он и представлял себе их как наивысший образец любви и добродетели, непроизвольно сделав это и своим идеалом.

Он открыл глаза, и, посмотрев за окно, на пролетающие мимо белые облака, почувствовал облегчение, как будто бы все его тяжелые мысли улетали назад, вместе с этими воздушными массами. Впереди его ждала новая жизнь, полная новых знакомств и событий, которые, как он ожидал, полностью отвлекут его от всего прошлого на довольно большой промежуток

времени. Он твердо решил впредь быть осторожнее в своих отношениях с девушками, дабы невольно не давать им ложных надежд. И вдруг, в его памяти как-то само собой всплыл образ неприступной девочки Тани. Как же она была не похожа на Свету! Улыбка снова появилась на его лице, и он подумал, что надо не забыть привезти ей какой-нибудь сувенир из рейса – уж очень ему хотелось увидеть, как она будет деланно сердиться на его очередное бесцеремонное вторжение в её жизнь. Внезапно его осенила одна озорная идея: точно, так он и сделает – отправит ей СМСку из Гамбурга! Он чуть не рассмеялся, живо представив, как Таня нахмурит своё хорошенькое детское личико, читая её. Благо, у него не было дурной привычки, удалять номера случайных знакомых из памяти телефона! Это была одна из причин, по которой он по жизни с легкостью обрастал новыми друзьями и связями.

Глава 8. Первая любовь

Питерская зима пришла с большим опозданием. Только под Новый Год выпал первый пушистый снежок и, едва успев покрыть тротуары, был безжалостно убран лопатами дворников. Зато на деревьях по-прежнему лежало снежное одеяло и, стоило ветерку пошевелить ветки, как легкие пушинки слетали вниз, на прохожих. Таня шла через сквер и подставляла лицо падающим снежинкам, которые словно маленькие мушки приятно щекотали нежные девичьи щеки. Странное чувство легкой грусти и совершенного одиночества поселилось в душе девушки с некоторых пор... Она никак не могла объяснить себе того, что с ней происходило. Хотелось дышать полной грудью, но при каждом вздохе внутри неприятно щемило и покалывало. Было ощущение того, что потеряна какая-то очень важная вещь, без которой всё остальное теряет смысл. Таня никогда не испытывала подобного чувства раньше. Временами ей хотелось рыдать – просто так, без причины. Но она никогда этого не делала, с того самого момента своей жизни, когда еще будучи маленькой шестилетней девочкой, мама подвела её плачущую к зеркалу и показала, как она некрасиво морщит свое личико. С тех пор ничто и никто не мог заставить Таню заплакать. А сейчас ей очень хотелось закрыться в своей комнате, уткнуться в подушку и в голос разреветься. Почему-то ей казалось, что после этого должно полегчать. Она интуитивно чувствовала, что как-то не так все происходит в её жизни, но была бессильна что либо изменить. Какая-то неведомая сила влекла её в обратном направлении, туда где она никогда не видела себя. И вообще, все пошло не так... Или так?

А началось всё с той поездки в Финляндию. После победы на Фестивале Таня Серебрякова стала очень часто выступать на всевозможных концертах и конкурсах, у неё стал очень загруженный график учебы, потому что профессор Вознесенский считал, что она как нельзя лучше подходит для исполнения его произведений и загрузил её дополнительными репетициями. Девушка совсем перестала бывать в компании своих друзей, в том числе и Леры, у которой в это время случился бурный роман со студентом-художником. Это была любовь! Подруга светилась от счастья и все свое свободное время проводила с молодым человеком. С Таней они теперь все больше общались в перерывах между парами и по телефону. Сначала Таня объясняла свое состояние одиночества именно этим, но потом поняла, что это глупо, поскольку Лера всегда была в кого-нибудь влюблена до смерти и раньше это не мешало их общению. Лера же в свою очередь считала, что её подруга сильно перегружена учебой и концертами и оттого у неё банальная депрессия.

– Привет, подруга! Ну, наконец-то. Где ты бродишь? Я уже заждаюсь тебя, – это была Лера. Девушки бросились друг другу в объятия.

– Привет, Лер! Господи, как давно мы не проводили время вместе! Ну, что, куда идем?

Девушки встретились в назначенном месте у входа в торговый центр, что бы провести вечер в совместной прогулке, вдвоем.

– Давай пробежимся по магазинам, а потом в кафе посидим, как раньше? Давно не болтали, о своем, о девичьем.

– Отлично, – согласилась Таня.

Подруги взялись за руки и зашли внутрь торгового центра. Лера с возбуждением рассказывала о своем новом парне, о его первой выставке в галерее и о том, что согласилась ему позировать. Таня слушала её веселый голос и улыбка снова вернулась на её лицо. С каждым новым словом подруги острые льдинки в её груди начинали таять и дышать становилось все легче и легче.

Позже, сидя в ресторане «Макдоналдс» на верхнем этаже торгового центра, Лера задала вопрос, ради которого, в общем-то, и назначила эту встречу с подругой:

– Ну? И чего там у тебя с Вознесенским?

Глаза подруг пересеклись и Таня поняла, что на этот раз отшутиться не удастся. Таня знала, что рано или поздно этот вопрос прозвучит из уст подруги, но до сих пор не была готова к этому разговору.

– Не знаю. Правда, не знаю.

– Нет, дорогуша, так не годится – давай-ка колись! Или ты думаешь, что я ничего не вижу?

Таня вскинула на подругу растерянный взгляд и спросила:

– А что, со стороны... тоже ...видно?!

– А то! У меня глаз на это ещё как наметан!

Лера очень серьезно смотрела на Таню и ждала ответа.

– Мне кажется... блин, не знаю как сказать! Короче, по-моему, он в меня... влюбился.

Таня смотрела на подругу исподлобья, ожидая услышать в ответ её веселый смех, но Лера даже не улыбнулась. Она спросила:

– Ну, а ты?

– Что, я?!

– Ну, тебе он нравится? Как мужчина, конечно, ты понимаешь?

– Боже, Лера! Прекрати! Он же мой педагог!

Этот разговор становился тяжелым для Тани. Она действительно не могла бы сейчас объяснить, что чувствует к шефу. Да, он оказывает ей определенные знаки внимания, и они далеко не неприятны девушке. Напротив, ей даже несколько льстит внимание такого взрослого и состоявшегося мужчины, но она представления не имеет, что со всем этим делать!

– Нет, подожди. Причем тут – педагог? Он в первую очередь мужик. Молодой, красивый, харизматичный, завидный во всех смыслах, короче. Не уходи от ответа, подруга, потому что если ты тоже в него втрескаешься, то выбирать потом ох, как непросто будет! Понимаешь? Это не мужик – это стихия! Уж поверь моему жизненному опыту! Ты хоть раз влюблялась вообще? Нет, вот именно! А для первой любви это слишком тяжелое испытание. Бедная, моя девочка! Ты даже не представляешь, во что можешь вляпаться! Нет, закрутить роман с Вознесенским – это, конечно, круто. Я бы сама не отказалась от такого драйва. Это как на бочке с порохом сидеть и ждать когда рванет. А оно рванет, уж непременно!

Таня сидела, опустив глаза в стаканчик остывшего кофе и не смея возразить подруге. Конечно, она была права. Впрочем, как и всегда. В этом Таня не сомневалась. Но что она могла противопоставить обаянию Андрея Петровича? В её жизни это действительно был первый опыт общения с мужчиной, который смотрит на неё так, что дух захватывает. Все влюбленные в неё мальчишки-однокурсники на его фоне смотрятся более чем смешно и глупо. Это факт. Но она вовсе не собирается терять голову из-за него!

– Да, я согласна с тобой, Лерочка! Но что я могу поделать? Я, вообще-то, учусь у него, на концерты с ним езжу. Мне приходится проводить с ним довольно много времени наедине... – Таня запнулась, но продолжала:

– Да, он ухаживает за мной, и я не могу ему запретить! Временами меня тоже смущает его мужская напористость, но я-то не собираюсь крутить с ним никаких романов!

Лера смотрела на свою подругу так, словно жалела её. Прекрасно зная тонкую и ранимую натуру Тани, а так же неискренность последней в любовных делах, она очень хотела оградить её от такой неудачной первой влюбленности. И вдруг она спросила:

– А как же Саша?

У Тани перехватило дыхание. Она открыла рот, что бы хоть что-то ответить и не смогла издать не звука, только глаза её расширились широко и длинные ресницы еле заметно затрепетали. А Лера продолжала:

– Вот какой парень тебе нужен! Не спорь со мной, подруга. Со стороны виднее, поверь! Та вы просто созданы друг до друга! Ну и наплевать, что там девица имеется! Не шкаф – подвинется. Подумаешь! Кстати, после той СМСки больше от него ничего не слышно?

– Неа. – В голосе Тани звучало куда больше равнодушия, чем было необходимо. – Я вообще не понимаю, зачем он мне тогда её написал. Шутник!

Она не сказала подруге, что до сих пор так и не удалила это сообщение из памяти своего мобильного телефона. Полгода назад эту весточку она получила от Александра совершенно случайно, возможно он просто так развлекается с девушками. Содержание было странным: «Ухожу в рейс. Замуж без меня не выходи. Жди. До встречи». Однако тогда Лера визжала от восторга, читая это странное сообщение:

«Вау, Танюха! Таки есть любовь с первого взгляда!»

– Жалко..., – протянула Лера, – из вас бы получилась идеальная пара! Хотя, может быть он еще и появится, как знать? Лично я бы на твоём месте сделала все, что бы завоевать такого парня – такие совпадения раз в жизни случаются!

– Да брось ты! Уже полгода прошло – столько воды утекло, что пора все забыть... Если бы хотел, то давно бы уже появился, в конце концов, – с легким раздражением в голосе ответила Таня.

Посидев еще немного подруги расстались. Лера спешила к своему возлюбленному на свидание, а Таня неспешно побрела домой. Шел снег. Крупные хлопья мягко стелились на землю, создавая настоящее предновогоднее настроение. Этот Новый Год ей предстояло встречать одной, потому что родители с братиком улетали на праздники на Кипр, а тетя Оля собиралась встречать праздник на даче у своего друга. Никогда еще Тане не приходилось оставаться в этот праздник одной. От этого делалось немного грустно на душе, но Таня понимала, что пора начинать взрослеть.

Внезапно её невеселые мысли оборвал звонок мобильного. Таня достала телефон из своей сумочки и, взглянув на дисплей, слегка нахмурилась, но все же ответила:

– Да? Добрый вечер, Андрей Петрович!

– Танечка, извини лапушка, что отвлекаю тебя от предпраздничных хлопот, но мне нужна твоя помощь! Ты не сильно занята?

– Да, вобщем-то, нет. А что?

– Понимаешь, дорогая, мне нужно выбрать подарок для женщины и я в полном замешательстве! Без совета молоденькой девушки ну, никак не обойтись! Я сейчас в торговом центре «Галерея» стою и смотрю на эти женские штучки и ничего не понимаю! Честное слово!

– А что хоть за «штучки», Андрей Петрович?

– Это магазин косметики. И я ничего в ней не смыслю. Спасай, Танюш!

– Андрей Петрович, Вы не паникуйте. Я сейчас совсем недалеко от «Галереи», никуда не уходите. Я скоро буду.

Тане пришлось возвращаться обратно именно в тот самый торговый центр на Невском проспекте, у которого они только что простились с Лерой. Правда, отошла она только за перекресток, так что терять ей было нечего. Вознесенского она нашла в бутике косметики. Вокруг него услужливо крутились несколько девушек-консультантов, но помочь они ему, видимо, не могли. Увидев свою ученицу, профессор улыбнулся ей своей самой обаятельной улыбкой и, взяв её за руку подвел к стенду с парфюмерией.

– Вот. Совсем растерялся. Помогите, пожалуйста, выбрать духи для очень красивой, молодой брюнетки.

Таня слегка смутилась и спросила:

– Простите, а можно узнать возраст... Ну, примерно – до тридцати лет или старше?

– Ах, Танечка! Запомни, женщине всегда восемнадцать! Вот тебе самой какой запах нравится?

– Мне?! – Таня засмушалась. – Мне нравится запах полевых цветов. Не броский, мягкий и тонкий аромат.

– Девушка, пожалуйста! Слышали? Есть что-нибудь подобное? – обратился Вознесенский к продавщице.

– Да, конечно! Возьмите вот эти. Уверена, это именно то, что Вам нужно.

И девушка-продавец протянула золотистую коробку покупателю.

– Упакуйте красиво, пожалуйста, – бросил профессор продавщице и, обращаясь к Тане продолжал:

– Ты меня просто спасла! Не думал, что выбирать подарок женщине так сложно! Никогда еще не приходилось сталкиваться с парфюмерией. Я думал как? Зашел, купил, вышел. Нет! Надо учитывать и возраст женщины, и внешность, и вкусы... Век живи – век учись, как говорится.

Тане вдруг стало безумно интересно, кому это шеф так старается угодить, но спросить его об этом она бы никогда не решилась. Легкое чувство зависти кольнуло её, но девушка тут же осадила себя. Не дело завидовать той, которой предназначался этот подарок – ведь какие могут быть претензии у студентки к своему педагогу?!

На выходе из магазина Вознесенский сказал, что должен проводить домой свою спасительницу. Таня не возражала. Она любезно приняла предложенную ей мужскую руку и пара вышла на улицу в зимний вечер, где зима случилась так неожиданно, с настоящим снегопадом. Они оживленно разговаривали всю дорогу, Таня смеялась над шутками своего спутника. Сейчас она совершенно не чувствовала себя одинокой и всеми покинутой. Ей было хорошо рядом с человеком, которого она уже не боялась и, в присутствии которого она ощущала себя совсем взрослой и самостоятельной.

У парадной Таня остановилась и обернулась к сопровождавшему её мужчине, что бы попрощаться. Он смотрел на неё так, словно она была смыслом его жизни! В его глазах читалось восхищение и легкое сожаление. Таня вспыхнула и опустила ресницы, запорошенные снегом. Никто никогда еще не смотрел на неё с таким мужским обожанием, и девушку смущал этот взгляд и одновременно будоражил её женское начало до мурашек, что пробежали по спине. Неловкое молчание он прервал сам:

– Ну, с Наступающим тебя, Танечка! Это тебе. Прости, что не смог выбрать сам – уж совсем не хотелось ошибиться в выборе!

И он протянул ей подарочный пакет, в котором лежали только что купленные духи. Таня растерялась и, не найдя, что ответить, молча взяла подарок. А он продолжал:

– Эх, и где ты только раньше была? Ты же совсем еще ребенок! Почему мы не встретились раньше?

Кровь прилила к Таниным щекам, когда мужчина аккуратно прикоснулся к её подбородку и приподнял её лицо навстречу к своему. Она испугалась, что сейчас он поцелует её и, сделав шаг назад, еле смогла проговорить:

– Андрей Петрович... спасибо. Мне, правда... надо идти... Поздно уже.

Он отнял руку от её лица, провел пальцами по её челке, стряхивая снежинки и произнес:

– Ты сейчас на Снегурочку похожа. Такая же маленькая, хрупкая и... холодная. Очень хочется тебя поцеловать, но боюсь, что ты растаешь. Ты ведь, наверное, еще нецелованная ни разу? Или у тебя есть парень?

Таня уже привыкла к тому, каким влюбленным взглядом смотрит на неё шеф в последнее время, но расспросы о её личной жизни напрочь выбили почву у неё из-под ног. Она стояла, прислонившись к стене и чувствовала, что не будь у неё сейчас этой самой опоры за спиной, ноги бы её подвели. Она с трудом находила в себе силы отвечать:

– Нет... пока нет парня. Но есть друг... очень далеко! Он моряк и сейчас в рейсе.

Таня сама не поняла, зачем соврала профессору, но, видимо, это была защитная реакция от его мужской силы, против которой у неё не было никаких других аргументов. Ей стало ужасно стыдно, что она самовольно в одностороннем порядке назначила Александра на роль своего парня, но время на размышления не было, и потом, оно как-то само собой вырвалось.

– Повезло парню. Счастливчик. Что ж, мне пора, – сказал Вознесенский, надевая перчатки, которые все это время держал в другой руке.

Он еще раз посмотрел на девушку, и не спеша открыл перед ней тяжелую дубовую дверь парадной. Таня через силу улыбнулась ему и проскользнула мимо него в подъезд.

Не помня себя, она влетела в пустую квартиру, стянула с головы меховой капюшон своей белой куртки и замерла перед огромным зеркалом, висевшим в коридоре. Оттуда на неё смотрело бледное лицо с огромными темными глазами, такими испуганными и растерянными, что поначалу Таня не признала саму себя. На мгновение ей показалось, что рядом с её отражением мелькнуло отражение другого человека – и это был не Вознесенский! То был Александр. Она вздрогнула и оглянулась. Нет, конечно же ей померещилось. Причем уже не в первый раз ей кажется, что она видит знакомое лицо, то в толпе народа в метро, то среди снующих людей по улицам города. «Нет, пожалуйста, только не это!» – подумала она. – «Не могла я так глупо влюбиться и сама этого не заметить?! Это должно было быть, как удар током, и этот момент я не могла пропустить.» Вот уже полгода, как Таня гнала от себя эту мысль. Было очень обидно влюбиться вот так в случайного знакомого, который сначала ворвался в её жизнь, как ураган, а потом так же моментально исчез из неё. И, похоже, навсегда...

Глава 9. Новогодний звонок

Запах Нового Года царил в квартире. То был запах мандаринов, хвои и салата «Оливье». Тетя Оля позаботилась о том, что бы у её племянницы в праздник был полный новогодний набор. Тем более, что Лера со своим парнем обещала заглянуть ближе к полуночи.

– Зря ты отказываешься ехать со мной к Игорю, Танюш. Ты бы нам совсем не помешала.

– Нет уж, тетя Оль – я девочка большая, найду чем себя развлечь. А вы отдыхайте себе на лоне природы!

Молодая женщина пожала плечами и, чмокнув племянницу возле уха, вышла из дома со словами:

– Я позвоню тебе в полночь, что бы поздравить. Будь на связи!

Таня закрыла за ней дверь и, прихватив со стола вазочку с ярко-оранжевыми мандаринами, устроилось на диване перед телевизором. Настроение у неё с утра было приподнятым. Оказалось, что встречать Новый год в одиночку весьма забавно. В этом была своя прелесть. Полный покой и безмятежность, никакой суеты, беготни – только полноценный отдых. Город уже зажег свои вечерние огни, когда на пороге появились Лера и её художник Андрей. Таня впервые увидела его вживую, а не на снимках селфи в Лерином мобильнике. Он оказался довольно забавным парнем, и по части шуток не отставал от своей подруги. Ребята проводили Старый Год и Андрей принялся откупоривать бутылку шампанского, что бы успеть разлить, пока на экране телевизора бьют куранты Спасской башни Московского Кремля. Едва пробил последний удар и друзья подняли свои бокалы, что бы чокнуться на счастье, как у Тани зазвонил телефон. Взглянув на незнакомый номер, высветившийся на дисплее, и, решив, что это звонит тетя Оля с номера Игоря, Таня, по новогоднему обычаю, весело прокричала в трубку:

– С Новым Годом!!!

– С Новым Счастьем! – ответили на другом конце провода.

Бокал с шампанским задрожал в Таниной руке, она вдруг переменилась в лице и побледнела. Лера не сразу заметила перемену в лице подруги, потому что в это время они с Андреем поздравляли друг друга троекратным поцелуем по русскому обычаю, а когда она обернулась к подруге, что бы и с ней расцеловаться, то буквально испугалась за неё. Фужер в Таниной дрожащей руке был наполовину пуст и из него продолжала выливаться на пол пенящаяся сладкая жидкость. Лера забрала вино из руки подруги и, поставив его на стол, внимательно всмотрелась в побелевшее лицо девушки.

– Кто? – спросила она шепотом.

– Это он. Саша, – ответила так же тихо Таня, прикрыв трубку ладонью.

Лера закрыла рот руками, что бы не закричать от удивления и восторга, в то время, как её подруга мучительно пыталась выдавить из себя хоть словечко. На том конце тоже молчали, только слышно было, как вдалеке играет музыка да чьи-то возбуждённые голоса. Наконец Александр прервал затянувшееся молчание:

– Ну... как там Питер?

Видимо, ему тоже с трудом давались слова, поскольку он говорил в непривычной для себя манере – слегка заикался и постоянно вздыхал.

– Ммм... нормально... снег идет... целый день... – Таня с огромным усилием подбирала слова. В голове у неё творился полный бардак, мысли все сплелись в паутину и каждая из них кричала о чем-то своем, пытаясь перекричать остальных. В этом общем гуле, звенящим у неё в голове, девушка отчетливо слышала только одно: «Где ты, вообще, пропадал, собака такая?!» Она совсем не обращала внимания на активно жестикулирующую Леру, которая знаками пыталась подсказать подруге, что и как говорить.

– У нас тут тоже много снега... – отвечал молодой человек.

«Интересно, а у них – это где? На Калыме?!» – с издевкой прошептала одна из мыслей. А вслух голос Тани промямлил:

– Эээ... ты же в рейс... того, уходил... как вроде...

«Боже, что ты несешь, хозяйка?! Неужели для того позвонил тебе этот тип, что бы услышать твоё м-е-е-е да б-е-е-е?» – её мысли вконец оборзели и потеряли страх. Таня понимала, что ситуации глупее в её жизни ещё не было. Она видела суетящуюся вокруг неё подругу, которая тщетно пыталась вывести её из ступора, но совершенно не различала ни одного её ни слова, ни жеста, потому что сердце билось где-то совсем рядом с головой и своим стуком заглушало все вокруг.

– Да, было дело, – Александр взял себя в руки, и он продолжал уже в своей обычной шутиливой манере, – Я скоро в Питере буду. Привез тебе подарок. Надо встретиться. Гарантирую, тебе понравится! А пока, смотри там, не болей. Ноги в тепле держи, обувку суши после улицы, а то простудишься, не дай Бог – меня ещё заразишь! Вобщем, я сейчас у сестренки. Привет тебе от неё! Пока. Послезавтра прилечу – позвоню.

– Чтооо?! У кого ты? – к Тане мгновенно вернулся голос, только кричала она уже в пустую трубку, поскольку на другом конце провода всюду шли частые гудки. Всё-таки ему снова удалось вывести её из себя!

– У сестренки он, прикинь? Вот зараза, он всех своих подружек, видимо, сестренками зовет! Нет, главное, не стесняется ничего – звонит сюда! Чего ему там не развлекается только? Что за человек, а, Лер? Ну, чего ему от меня надо, в конце концов?

Таня была не на шутку заведена. Она ходила вокруг стола и сотрясала громы и молнии. Лера, всунула ей в руку бокал с шампанским и заставила залпом его выпить, затем усадила подругу в кресло, и знаком показала Андрею, что бы он снова наполнил пустые фужеры. Андрюха все понял без слов, разлил оставшееся вино, два бокала подал девушкам, а с третьим вышел на балкон – покурить.

– Тю, глупая ты, Танюха! Человек позвонил тебе, что бы поздравить с Новым Годом, а ты завелась. И замечь: он позвонил с последним боем курантов! А? Вот шо ты на это скажешь? Первым поздравил тебя! Дурочка, успокойся и подумай: ну, зачем ему это надо было?

– Что бы позлить меня! – сердито бросила Таня.

– Вот, дурёха! Конечно же нет! Любовь это, подруга. Потому что только влюбленный хочет эту важную новогоднюю минуту разделить с самым дорогим для себя человеком, понимаешь?

– Ага! – Таня всё еще не могла успокоиться, – только встречает он этот самый Новый Год у очередной сестренки! Бабник! Как он меня бесит!

Лера смотрела на Таню, и веселые, лукавые искорки плясали в её глазах.

– Да нет, не бесит он тебя, просто нашел в тебе ту самую кнопочку, которую мужики годами в своих избранницах ищут и не могут найти, вот и балуется теперь, как тот ребенок. Это ты, конечно, попала, ничего не скажешь... Мужики – они ж, как дети! Нажмут кнопку звонка в чужую квартиру и убегают: забавно им! А ты чего ведешься? «Ммммм... мммм» – ох, умора, вы оба! – и Лера, будучи не в силах больше сдерживаться, разразилась смехом.

Таня посмотрела на неё, все еще пытаясь сохранять оскорбленный вид, но не смогла удержаться, и тоже засмеялась. Сейчас, когда первая вспышка гнева улеглась, она живо представила себе их обоих с Александром, мычащих в трубку что-то невнятное между огромными паузами. Девушки так громко смеялись, передразнивая друг друга, что не заметили, как в комнату с балкона вернулся Андрей и теперь стоял над ними в полнейшем недоумении. Он долго не мог понять сначала, стоя там, на балконе, плачут они или смеются, а когда увидел их в таком безудержном веселье, то понял, что совсем ничего не знает о женщинах.

– Девчонки, может чаем напоите бедного замерзшего мужчину, а?

Они разом перестали смеяться, окинули взглядом возвышающуюся над ними мужскую фигуру, комично потирающую себя за плечи, и снова засмеялись. Андрей смешно почесал себя за ухом, и отправился на кухню, что бы включить чайник. Ему стало понятно, что сейчас он для девчонок, как красная тряпка для быка, потому включил маленький телевизор, висевший на кухонной стене, и, придвинув поближе к себе салатницу, поудобнее уселся за стол. «Ну, что еще нужно мужику для счастья?» – сказал он себе, – «кухня, салат и телевизор!»

Глава 10. Кукла

– Кукла?! Ты серьезно?

Таня пыталась вспомнить, когда в последний раз держала в руках настоящую куклу. Её руки неуклюже вертели в руках небольшую, очень миленькую французскую куколку в бледно-розовом платье в полоску, на кокетке которого шелковыми нитками было вышито имя этой маленькой красавицы – Мари Королли. Маленькую головку куклы обрамляли светлые локоны, большая часть которых была аккуратно собрана на макушке под сеточкой, а на ножках были обуты самые настоящие башмачки со шнуровкой, из-под которых выглядывали белоснежные носочки. Таня держала её своими длинными пальцами за крохотные ручки и не знала, что с ней дальше делать? Она подняла глаза на Александра. Он увидел в её взгляде такую растерянность и что-то похожее на разочарование, что уже начинал жалеть о своем подарке. Не такой реакции он ожидал от неё. А ведь он с самого начала знал, что именно должен ей подарить. Всем маленьким девочкам дарят кукол – это так естественно! Только почему-то Таня не прыгала сейчас от радости, а смотрела на него с легкой обидой через упавшую на лоб челку и, тщетно сисясь улыбнуться, слабым голосом вымолвила:

– Прикольная. А чем это она так вкусно пахнет?

Девушка поднесла куклу вплотную к своему лицу и уткнулась в её волосы своим вздернутым носиком.

– Это просто духи. Я сам её ими побрызгал, – ответил Александр, вполне довольный своей задумкой.

Он не стал говорить ей, что «Шанель №5», которыми он так щедро спрыснул куклу, были куплены им для сестры Маши, в том же магазине на Елисейских полях в Париже, что и маленькая Мари Королли. А Таня, аккуратно уложив свой подарок обратно в коробку, поместила его к себе в рюкзак, с которым практически никогда не расставалась. Только успела она закинуть свою ношу за плечи, как к остановке, на которой они с Сашей находились, подошел их автобус. Табло на лобовом стекле гласило, что автобус следует до Петергофа. Александр уговорил девушку поехать с ним к его друзьям. Дело в том, что у его однокурсника сегодня был день рождения. Таня согласилась. «Почему бы и не поехать? – решила она, – все равно у меня сейчас каникулы.» Ни за что на свете она не призналась бы даже самой себе, что просто не смогла бы отказаться от возможности побыть с Сашей лишних несколько часов!

Александр не был похож на тех молодых людей, про которых обычно говорят, что у них хорошо подвешен язык. Говорил он не много, больше слушал собеседника, отвечая лишь тогда, когда это уместно, зато ни одно его слово нельзя было назвать лишним. Он был абсолютно лишен какой-либо закомплексованности, от него исходила такая уверенность в каждом своем действии, что Таня чувствовала себя с ним, как за каменной стеной и знала, что с таким спутником без страха могла бы пуститься пешком хоть через заснеженную пустыню, хоть через бушующий океан на дряхлой лодочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.